

19 МАЯ 1974

«СОВЕТСКАЯ ТОРГОВЛЯ»
г. МОСКВА

✓
Был такой случай

АКТЕРСКАЯ НАУКА

ЭТОТ случай произошел со старшим сержантом Владимиром Ткаченко. Вот что он рассказал:

— По профессии я — актер. Работал в Саратовском драматическом театре. На фронт пошел добровольцем. Как-то во время боевого затишья решил я поставить одноактную пьесу на военную тему. Нашлись охотники. Быстро разучили роли. В большой землянке устроили подмостки, вместо занавеса повесили простыню. И вот в день годовщины Советской Армии дали спектакль.

Среди персонажей пьесы был гитлеровский обер-лейтенант. Эту роль я взял на себя. Разыскал в трофейном имуществе подходящий офицерский мундир, подгримировался. Посмотрел на себя в зеркало — настоящий фашист! Сам себе противен стал...

А землянка уже полным-

полна. Настроился я перед выходом. Вошел в роль. Но... сыграть мне так и не пришлось. Не успел по ходу пьесы произнести первую реплику, как загремели выстрелы.

Тревога! Группа фашистов пыталась атаковать нас с фланга. В одну минуту и зрители и артисты выбрались из землянки. Схватил я свой автомат и вместе с бойцами бросился в бой.

Вдруг — бац! Осколок мины угодил в приклад автомата, вышиб его из рук. Я упал, ударился подбородком о ствол дерева. Удар был сильный, пошла кровь. Кое-как забинтовал рану. Пошатываясь, сделал несколько шагов и — неожиданно наткнулся на трех фашистских солдат. Они остановились и отдали мне честь. Только тут я вспомнил, что на мне фашистский мундир. Ну, ду-

маю, влип. По-немецки не говорю ни слова.

Подошел ко мне один из солдат, изможденный, грязный, и что-то спрашивает на своем языке. Ну как ему отвечать? И тут я пустил в ход свою актерскую науку. Чтобы, как говорится, «не сыграть в ящик», пришлось разыграть роль контуженого. На вопросы отвечал мычанием, стонал, делал страдальческие гримасы, стараясь жестом объяснить, что у меня вышиблены зубы. Кажется, я неплохо провел роль. Мне, почтительно кивая, явно сочувствовали.

Я облегченно вздохнул. Фашисты отошли в сторону, о чем-то тайношленно шепчущая и поглядывают на меня. Потом решительно зашагали ко мне и, набросив на мою голову шинель, стали вязать. Потом куда-то повели. Но...

что это? Или мне померещилось? Я услышал русскую речь! Почувствовал — кто-то развязывает меня. Вот сбросили с головы шинель. Смотрю и глазам не верю: рядом со мной стоит ефрейтор Лопатин и радостно улыбается. «А я, — говорит, — товарищ старший сержант, думал, что вас и в живых нет!».

Оглянулся я. Вижу в стороне стоят знакомые мне три фашистских солдата. Без оружия, разумеется. Наблюдая за мной, они прямо-таки застыли от изумления. А Лопатин, кивнув на них, рассказал:

— Эти три молодчика пришли сдаваться в плен. И чтобы заслужить доверие у нас, привели с собой офицера. А этим офицером оказался... старший сержант Ткаченко... Ясная картина?

Кажется, я никогда в жизни так не смеялся!

Н. КОПЬЕВСКИЙ.